

“ДИТЯ ГОГОЛЯ” И СЮЖЕТ БЛОКА 1909 ГОДА

© 2009 г. Омри Ронен (США)

Творчество Блока в 1909 году, от перевода стихов Гейне о Рождестве, стихотворения “На смерть младенца” и доклада “Дитя Гоголя” через итальянские стихи и до идеи поэмы “Возмездие”, являет единый сюжет о чужом ребенке-искупителе, рожденном у бездетного или зачатом в чужом лоне. Этот сюжет обрамлен биографически смертью новорожденного сына Л.Д. Блок и смертью отца Блока, а культурно-исторически задан юбилеем Гоголя. Одной из мистических ипостасей лирического героя у Блока здесь служит Иосиф-обручник.

Blok's writings during 1909, from his translation of Heine's poems on Christmas, his own poem “On an Infant's Death” and the essay “Gogol's Child” through “The Italian Poems” to eventually the idea of the poem “Retribution” manifest recurrent images of the infant-redeemer born to a childless man (Blok's mystical self-representation here is St. Joseph) or conceived in an alian womb. The Biographical framework of this motif was set by the death of the child of Blok's wife and the death of Blok's estranged father; its historical background was Gogol's centenary.

Описывая в научно-исторической литературной биографии авторский корпус текстов как особую целостность и выявляя в нем главные структурные начала, исследователь непременно заметит самостоятельный строй и на каждом этапе данной литературной биографии, будь то Пушкин до ссылки или Лев Толстой после нравственного перелома (см. [1]).

Поэтому в качестве рабочей гипотезы целесообразно предположить в совокупности всего написанного Блоком композиционно оформленный и заверченный набор отдельных составляющих элементов, каждый из которых, в свою очередь, есть сложно организованное целое (ср. [2, с. 227–243]).

Так, 1909 год в жизни и творчестве Блока являет единый сюжет, который вкратце можно реконструировать как духовное истолкование и художественное развитие личной биографической темы бездетности, мистического отцовства и чужого ребенка, обреченного на жертвенную, может быть, искупительную судьбу.

2-го февраля родился сын Любви Дмитриевны Митя, проживший 8 дней. Строки Блока “Святому маленькому гробу / Молиться буду по ночам”, написанные после похорон младенца, вызывают в памяти эпизод из “Бориса Годунова” – речь патриарха о чудотворной молитве перед гробом царевича Димитрия и причислении его к ангельскому лику. Эта ассоциация, основанная на тезоименитстве, если взглянуть на нее ретроспективно, содержит в себе зерно сюжета о родовом возмездии и исторической расплате, которое будет посеяно, но не вырастет в трагической неоконченной поэме, основанной на жиз-

ненных событиях конца 1909 года. Именно из-за этой подспудной связи с мертвым и воскресшим царевичем-отмстителем необъяснимый иначе лейтмотив “возмездия”, по словам Блока в предисловии 1919 г., “есть *мазурка*, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле...”. Д.М. Магомедова связывает эту мазурку с “Борисом Годуновым” Мусоргского и “Жизнью за царя” Глинки [3, с. 160–161] (см. также [4, с. 437–438]).

Менее трех недель спустя после сочинения стихов “На смерть младенца”, 19 марта 1909 г., Блок выступил в зале петербургского Дворянского собрания с речью к столетию со дня рождения Гоголя. В печати он назвал ее “Дитя Гоголя”, а в рукописи есть и другие варианты заглавия: “Душа Гоголя”, “Гоголь и Россия”.

Кажется, только К. Мочульский заметил связь между февральской личной драмой Блока и этой речью. Приведя несколько выдержек из нее, Мочульский сделал такой вывод: «Эта короткая речь – законченное лирическое “стихотворение в прозе”. Образ России-дитяти внушен поэту воспоминанием о рождении и смерти маленького Мити» [5, с. 246].

О браке Блока есть бытовая повесть его вдовы [6], так же мало объясняющая в его поэзии, как мало объясняет в ней и страх генетического вырождения у самого поэта, отраженный в его записях перед свадьбой: “Из породы Блоков имеют в виду еще расплодиться...”, и следует список родни. “Если у меня будет ребенок, то хуже стихов. Такой же...”. “Пусть умрет лучше ребенок” [7, с. 50–51, 53].

Другая, высокая повесть, сохранена в письмах Блока и в том личном мифе, который вдохновил его искусство и выражен в нем. Один из сюжетов этого мифа мотивирован темой ребенка, в особенности, чужого ребенка. В сентябрьском письме 1902 г. [8, с. 52] Блок объяснил необычайность своей любви верой в то, что предмет ее есть “земное воплощение пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности, если Вам угодно знать”. Эта вера в святую объясняет стремление Блока к тому, чтобы брак с Любовью Дмитриевной был целомудренным. Блок – обручник Девы, Купины; так он видел свою миссию, в которой потерпел неудачу, соблазненный Л.Д. [6, с. 52], но к особенному исполнению которой, очевидно, решил вернуться в канун 1909 года.

Тема св. Иосифа появилась у Блока без трагической иронии в январе 1909 г. в переводе из Гейне, включенном позже в “Ночные часы”, тот же сборник, где он поместил “На смерть младенца”: “Над домом Иосифа встала звезда, / Они туда постучали; / Мычал бычок, кричало дитя, / Три светлых царя распевали”. Так можно истолковать в мистическом плане и смиренное ожидание рождения чужого ребенка у Блока, и богоборческое возмущение, вызванное его смертью. Ведь в стихах, написанных за год до того, в январе 1908 года (“Всю жизнь ждала...”), этот же мотив был дан с чувством “приниженной и злой” обреченности: “– Качай чужую колыбель, / – Ласкай немилого ребенка...”

В еще более раннем стихотворении, “Ангел-Хранитель” (1906), написанном таким же 4-стопным амфибрахией и двустопиями с мужской рифмой, как “Черная шаль”, мотив жестокой ревности, которую смиряет слабость, прикрыт темой социальной обиды и уходит в зашифрованный и контрастирующий пушкинский подтекст личной мести за измену: “И нежности ядом убита душа, / И эта рука не поднимет ножа...”; ср. у Пушкина: “И кроткая жалость молчала во мне”.

Связь между биографическим событием и речью о Гоголе, замеченная Мочульским, явственна и в выборе ее заглавия, и в ее теме. Бездетный Блок, только что оплакавший умершего младенца своей жены, сказал о бездетном Гоголе: он вынашивал под сердцем плод, содрогаясь перед неизбежностью мучительных родов “потягивавшегося” в его творческом лоне существа, чудного видения, которое стало бы его “новой родиной”.

“...синяя даль, в бреду рождения снящаяся Россия”, – так описал ее Блок.

Что изменило это видение в действительной жизни? «Ничего, – отвечал Блок. – *Здесь* –

осталась прежняя, хомяковская, “недостойная избанья” Россия».

Чудо пресуществления действительной жизни, которого требовал от “совершенного искусства” Владимир Соловьев [9, с. 404], не удалось ни Гоголю, ни Блоку. Творческие сны обоих ушли в будущее, в мир, откуда приходят пророчества, и воплотились в словах и в имени, которые – для поэта – сильнее и телесней прошлой и настоящей жизненной действительности. Блок писал об именовании Гоголем своего мистического “ребенка”, не предрешая ни его судьбы, ни даже того, как назовут его в грядущем: “В полете на воссоединение с целым, в музыке мирового оркестра, в звоне струн и бубенцов, в свисте ветра, в визге скрипок – родилось дитя Гоголя. Этого ребенка он назвал Россией. Она глядит на нас из синей бездны будущего и зовет туда. Во что она вырастет, – не знаем; как назовем ее, – не знаем”.

Чуковский в дневнике 1919 г. предсказал Блоку уход от поэзии к традиции гоголевских “Выбранных мест”, процеженной сквозь Достоевского: «Чем больше я наблюдаю Блока, тем яснее мне становится, что к 50 годам он бросит стихи и будет писать что-то публицистико-художественно-пророческое (в духе “Дневника писателя”»)» [10, с. 133].

В марте 1909 года ночь отречения от поэзии еще не вступила “в свои туманные права”, еще была тверда в Блоке надежда, выраженная в последних словах его гоголевской речи: «Все кончается, только музыка не умирает. “Если же и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром?” – спрашивал “украинский соловей” Гоголь. Нет, музыка нас не покинет».

Как бы вслед за Гоголем в его юбилейный год, вскоре после своей речи о нем, Блок поехал в Италию, как признавался он в письмах, – “заткнуть себе уши от всего русского и увидеть свою другую родину” [11, с. 284]; но “европейская жизнь” оказалась “так же мерзка, как и русская, вообще – вся жизнь во всем мире есть, по-моему, какая-то чудовищно грязная лужа” [11, с. 288]. Так весь мир обернулся лужей из “Миргорода”. Зато в Италии созревает у Блока, как когда-то созрел у Гоголя, зародившийся еще в 1908 году, в цикле о поле Куликовом, образ России-жены, обманчивой и обманутой, но все-таки вечно любимой, хотя матери из Милана Блок пишет: “Люблю я только искусство, детей и смерть. Россия для меня – все та же – лирическая величина. На самом деле – ее нет, не было и не будет” [11, с. 289]. Так писал и Гоголь Жуковскому из Рима: “Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – всё

это мне только снилось. Я проснулся опять на родине...” [12, с. 111–112].

Знаменательно для Гоголя, что он жалеет о прекрасных снах, которые “не перешли в действительность”, о Пушкине, а для Блока, – что Пушкиным навеян важный интимный мотив “Итальянских стихов”, как первым, по-видимому, в печати заметил в 1925 г. С.М. Соловьев [13, с. 36] (ср. [14, с. 655]); в 1926 г. о том же в своем докладе сказал так называемый *Петроградский священник* (П. Флоренский?) [15, с. 102]. Уже в стихах 1906 года “О жизни, догоревшей в хоре”, “Мери”, взятая из “Пира во время чумы”, та, чей голос в прошлом “был голосом невинности”, замещает “Деву” на иконе, Марию. В “Итальянских стихах” пушкинское шутивное “Благовещение” стало подтекстом мистического сюжета с глубоко личной аналогией: о чужом, неизвестно чьем, обреченном на гибель ребенке, о соблазненной невинности, о поругании и, наконец, – о смирении: “Уже не шумный и не ярый, / С волнением, в сжатые персты / В последний раз архангел старый / Влагает белые цветы”.

Высокая травестия “Гавриилиады” очевидна у Блока: “Глаза, опущенные скромно, / Плечо, закрытое фатой... / Ты многим кажешься святой, / Но Ты, Мария, вероломна... <...> Но есть один вздыхатель тайный / Красы божественной – поэт... / Он видит Твой необычайный, / Немеркнувший, Мария, свет”. У этой травести есть глубокая и обычно игнорируемая критикой мотивировка. Знаменательным кажется, что в записной книжке в июне 1909 г. сразу вслед за латинской выпиской “Gabriel angelus locutus est Mariae, dicens: Ave gratia plena, dominus tecum...” (“Ангел Гавриил сказал Марии: Радуйся, благодатная, господь с тобою...”) следует воспоминание о ребенке: “Проснувшись ночью под шум ветра и моря, под влиянием ожившей смерти Мити...” [7, с. 145].

Чтобы духовно оправдать падшую возлюбленную и освятить евангельской параллелью гибель ее сына, Блок переписал трагически пушкинскую фривольную тему об искупителе – неизвестно чьем ребенке, о рогоносце-обручнике и рогоносце-“отце”: “Всевышний бог, как водится, потом / Признал своим еврейской девы сына, / Но Гавриил (завидная судьбина!) / Не преставал являться ей тайком; / Как многие, Иосиф был утешен, / Он пред женой по-прежнему безгрешен, / Христа любил, как сына своего, / За то господь и наградил его”. Вряд ли внимания Блока избежала и страшная биографическая ирония в заключительной молитве Пушкина: “О рогачей заступник и хранитель. <...> Даруй ты мне терпенье вновь

и вновь, / Спокойный сон, в супруге уверенье, / В семействе мир и к ближнему любовь!”

1909 год в жизни Блока ограничен двумя симметричными событиями: смертью чужого ребенка Мити и смертью отчужденного родного отца. Следующее десятилетие в той или иной мере проходит под знаком поэмы “Возмездие”, связанной с этой смертью. Отвлеченный сюжет “Возмездия” – метаморфозы личности, рода и родины, духовные, биологические и исторические превращения. Андрей Белый хотел свести их к сюжету о проклятом роде Блока [16, с. 28], понимаемому как сюжет о великом грешнике и мстительном всаднике на Карпатах из “Страшной мести” [17, с. 417–418]. Но этот сюжет у Блока должен был быть, в конечном счете, преодолен, возмездие искупает вырождение рода и народа: “Угль превращается в алмаз”. Как радикал-отец превратился в реакционера, так “задворки польские России” исподволь становятся в поэме мессианским обещанием свободы. Мороз – символ деспотизма и у Мицкевича, и у Константина Леонтьева в “Варшавском дневнике” – превращается у Блока в символ мятежа, в соперника Медного Всадника, в “пана Мороза”, самое имя которого рождено из звуков названия мазурки, музыкального лейтмотива поэмы. З.Г. Минц [18, с. 271] отметила, что снежная буря, сквозь которую с кличем “Месь, месь” скачет пан Мороз в “Возмездии”, предвосхищает “Двенадцать”. Можно добавить, что уже с дней 9 января и Пресни мятеж у Блока не традиционная весна, а “огонь зимы палящей”, и “восстанья страшная душа” в посвящении Вячеславу Иванову – это “секучий снег” и “слепящая вьюга”.

В “Возмездии” появился и мотив, симметричный стихотворению “На смерть младенца”: зачатие своего ребенка в чужом лоне польской девушки Марии. Так сверхлично преобразилась в поэме личная тема венецианских стихов и стихотворения “Все это было, было, было...”, тема пакирождения в чужой стране.

Как входит новый образ отцовства в личную мистику Блока?

Среди мифических ипостасей или духовных аналогий своего “я” у него и невоскресший Христос, и предтеча, и демон, и даже Иуда [15, с. 105], и, как мы видели, – обручник Иосиф. Но жертвенная готовность признать своим чужого ребенка не была принята, младенец погиб, и в замысле “Возмездия”, после навеянных “Гавриилиадой” итальянских стихов Блок примеряет другую роль: исторического воплощения гегельянского духа, скорее, чем святого духа, бросающего

семя в лоно дочери чужого народа, чтобы зачать искушителя. В неясных строках о “сыне-рenegате” гоголевский мотив Андрия из “Тараса Бульбы”, упомянутый у Минц [19, с. 196], повернут как бы в соответствии с сюжетом “Конрада Валленрода”. Этот ли сын или другой, повторяющий за матерью: “И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот” (М.Г. Петрова [20, с. 90], тонко заметила тут сходство с сыном польки Каляевым), “последнее звено длинной цепи”, который “может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю”.

Если начало юбилейного гоголевского года ознаменовано у Блока образом будущей России как ребенка Гоголя, то в конце этого года, после Варшавы, куда поэт ездил прощаться с умиравшим отцом, он задумал символический сюжет, как будто противопоставленный польской теме Гоголя, но на самом деле навеянный им же в коллизии Тараса и Андрия.

Это своеобразное, неожиданное и недоовещенное в искусстве “дитя Блока”, образ польско-русского ребенка, который гибнет за будущую “нашу и вашу свободу”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ронен О.* Авторский корпус как целокупность // Русская филология. 15. Тарту, 2004. С. 1–30.
2. *Котрелев Н.В.* Александр Блок в работе над томом избранных стихотворений (“Изборник”, 1918) // Александр Блок. Изборник. М.: Наука (“Литературные памятники”), 1989. С. 183–245.
3. *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М.: Мартин, 1997.
4. *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Том пятый. Стихотворения и поэмы (1917–1921). М.: Наука, 1999.
5. *Мочульский К.* Александр Блок. Париж: YMCA-Press, 1948.
6. *Блок Л.Д.* Были и небылицы // Studien und Texte. № 10. Bremen: K-Press, s.a.
7. *Блок Александр.* Записные книжки. 1901–1920. М.: Художественная литература, 1965.
8. *Блок Александр.* Письма к жене // Литературное наследство. Том 89. М.: Наука, 1977.
9. *Соловьев В.С.* Общий смысл искусства // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 390–404.
10. *Чуковский К.* Дневник (1901–1929). М.: Советский писатель, 1991.
11. *Блок Александр.* Собрание сочинений в восьми томах. Том восьмой. Письма. 1898–1921. М.; Л.: Художественная литература, 1963.
12. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. Письма. 1836–1841. <Л.>: Изд-во АН СССР, 1952.
13. *Соловьев С.* Воспоминания об Александре Блоке // Письма Александра Блока. Л.: Колос, 1925. С. 9–45.
14. *Блок Александр.* Полное собрание стихотворений в двух томах. Том первый. <Л.>: Советский писатель (“Библиотека поэта”), 1946.
15. *Петроградский священник [П. Флоренский?].* О Блоке // Путь. № 26. Париж, февраль 1931. С. 86–109.
16. *Белый Андрей.* Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990.
17. *Белый Андрей.* О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М.: Автограф, 1997.
18. *Минц З.Г.* Блок и Пушкин // Труды по русской и славянской филологии. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 135–296.
19. *Минц З.Г.* Блок и Гоголь // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 122–205.
20. *Петрова М.Г.* Блок и народническая демократия // Литературное наследство. Том 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга четвертая. М.: 1987. С. 75–122.